

UNITED WISDOM

Сознание как процесс, свойство или отношение

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-07-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Сознание как процесс, свойство или отношение

Эпиграф

> *«...оно обозначает функцию». — Уильям Джеймс, Does 'Consciousness' Exist?, 1904; фрагмент предложения о слове «сознание», собственный перевод английского оригинала. Отрицание отдельной сущности у Джеймса не является отрицанием существования мыслей.*

О чём эта статья

Когда сознание называют процессом, свойством или отношением, может показаться, что остаётся выбрать правильное существительное. Но слова задают разные вопросы. Процесс направляет внимание к тому, что происходит во времени; свойство — к тому, чему и при каких условиях что-либо приписывается; отношение — к связи, без которой описание неполно. Эта статья использует три рамки для чтения и обсуждения, не объявляя их готовой классификацией всех философских теорий. Исторические источники помогают увидеть различия: поток мысли у Джеймса, рассуждение Декарта о мыслящем, джеймсовская функция познания и аристотелевское различение способности и её осуществления. Их понятия не переводятся автоматически друг в друга. Мы рассматриваем, как одна ситуация допускает несколько вопросов, почему способность отличается от текущего эпизода и когда слово «отношение» действительно добавляет содержание. Практическая цель — формулировать собственную мысль точнее, не превращая выбранный язык в окончательный ответ о природе сознания или в оценку достоинства человека.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Три рамки меняют вопрос, а не только название

Представим человека, который читает короткую записку. Он замечает знак, узнаёт слово, связывает его с предыдущей фразой и понимает просьбу. Это условная сцена, а не эксперимент о порядке обработки. Если спросить, что происходило сначала и затем, мы выбрали процессуальный вопрос. Если спросить, в каком смысле читателю доступно содержание, мы начали вопрос о приписываемом состоянии или способности. Если спросить, как читатель, записка и ситуация связаны в понимании, мы выбрали отношение. Эти вопросы могут встретиться в одном обсуждении, но ответы не будут одинаковыми по форме. Простая замена существительного не объясняет последовательность, не устанавливает способность и не описывает конкретную связь.

В статье процесс, свойство и отношение являются рабочими рамками нашего рассуждения. Мы не утверждаем, что каждый философ обязан принадлежать ровно одной из трёх групп. У автора может быть описание процесса, положение о том, кто мыслит, и объяснение связи мысли с предметом одновременно. Чтобы понять его текст, надо восстановить, где каждое положение работает. Иначе исторический спор становится соревнованием слов: один источник зачисляют в процессы, другой в свойства, третий в отношения, после чего различия кажутся решёнными. Такая таблица могла бы быть удобной, но её удобство не заменяет основание классификации. Здесь мы сохраняем вопросы открытыми и рассматриваем выбранные первичные места в их собственном масштабе.

Рамка должна добавлять определённость. Если слово «процесс» лишь означает, что что-то происходит, оно ещё мало сообщает. Если слово «свойство» только повторяет, что сознание кому-то принадлежит, надо уточнить, какое содержание ему приписано. Если «отношение» объявляет связанным всё со всем, оно не объясняет нужную связь. Поэтому полезно продолжить каждое слово предложением: какой процесс, какое свойство, между чем и чем отношение? Этот шаг не требует окончательной метафизики. Он позволяет оценить, что уже сказано и какой вопрос остался без ответа. Когда продолжение отсутствует, название может служить направлением поиска, но его не следует принимать за завершённое объяснение.

Выбор рамки также не отменяет другие вопросы. Читатель записки может описать последовательность понимания, не решив, что такое опыт вообще. Он может знать, что способен читать знакомый язык, не восстановив каждый момент сегодняшнего чтения. Он может понять смысл просьбы в ситуации, не получив универсальной теории отношений. Эти ограниченные ответы способны быть содержательными. Проблема возникает, когда один из них получает власть над всеми остальными только благодаря общему слову «сознание». Более точное обсуждение возвращает ответ к выбранному

вопросу. Оно сохраняет возможность соединить рамки позднее, если появятся основания, и не требует соединять их заранее ради впечатления полноты.

II. Процессуальный вопрос сохраняет время и изменение

В девятой главе «Принципов психологии» Джеймс описывает мысль как личную, изменяющуюся и воспринимаемую в непрерывности. Выбранные фрагменты относятся к историческому описанию опыта. Они не дают современной нейронной схемы каждого перехода, но помогают не превращать происходящее в набор неподвижных названий. Если человек слышит звук на фоне уже идущего опыта, предметом описания становится не только отдельный звук, но и его место в последовательности. В этой статье мы используем такой контекст для процессуального вопроса: что меняется, что связывает моменты и какой временной масштаб выбран? Это редакционное применение, а не утверждение, что Джеймс установил единственный возможный способ объяснять сознание.

В условной сцене с запиской можно различить момент узнавания слова и момент понимания просьбы. Но выделение моментов само зависит от задачи. Читатель способен описать понимание как целое, а устроитель учебного задания — спросить о конкретном слове. Оба описания могут быть полезны, если ясно, что они охватывают. Нельзя заранее решить, что более мелкий масштаб всегда истиннее или что целое автоматически объясняет каждую часть. Подробная последовательность нуждается в основании так же, как общее описание. Наша сцена не устанавливает обязательный порядок у всех людей. Она показывает, почему слово «процесс» следует сопровождать указанием времени, предмета изменения и способа узнать о переходе.

Процесс не обязательно должен быть непрерывным в каждом значении этого слова. Человек может сообщать о связности своего опыта, а исследовательская запись — выделять интервалы и события. Различие описаний ещё не является противоречием. Надо узнать, какое свойство непрерывности имеется в виду и как оно проверяется. В историческом тексте Джеймса важно сохранить именно воспринимаемую связность, не выдавая её за отсутствие любых физических изменений. Равным образом отдельные отметки времени в записи не доказывают, что переживание состоит из независимых готовых кусочков. Такие дополнительные выводы потребовали бы перехода между описаниями. Пока полезнее назвать оба предмета, чем заставлять одно значение времени незаметно отвечать за другое.

Процессуальная рамка помогает также заметить, что описание нынешнего эпизода не является полной характеристикой человека. Сегодня чтение могло остановиться на незнакомом слове; это ещё не означает утрату способности читать вообще. Завтра знакомая записка может быть понята иначе из-за другого вопроса к ней; это не

доказывает, что вчерашнее переживание было выдумкой. Эти примеры условны и не устанавливают причины реальных трудностей. Они показывают разные масштабы утверждения: что сейчас происходит и что человеку приписывается более устойчиво. Чтобы связать их, надо назвать основание. Если этого не сделать, временный эпизод легко становится оценкой способности, характера или ценности, хотя процессуальный вопрос таких выводов не обещал.

III. Свойство требует назвать носителя и содержание

Сказать, что человек находится в сознательном состоянии, — значит что-то ему приписать. Но значение зависит от того, что именно приписывается: определённое переживание, возможность ответить, доступность содержания или другое обозначенное состояние. В этой статье не предлагается диагностический словарь этих состояний. Мы рассматриваем структуру утверждения: у него есть носитель, содержание и условия применения. Если они отсутствуют, слово «свойство» остаётся слишком общим. Нельзя узнать по одному названию, идёт ли речь о текущем эпизоде, сохраняющейся способности или метафизическом тезисе. Уточнение позволяет оставить разные вопросы разными, даже когда все они грамматически выражены как что-то, принадлежащее одному человеку.

Во второй медитации Декарт рассуждает о том, что можно утверждать о себе в принятой процедуре сомнения. В прочитанном переводе Молинью он называет себя мыслящей вещью и раскрывает мысль через сомнение, понимание, утверждение, отрицание, воление, воображение и ощущение. Это философский ход внутри аргумента, не измерение современной способности участника. В выбранном месте Декарт также оставляет открытым вопрос о том, что пока неизвестно ему относительно тела. Поэтому здесь нельзя заменить его рассуждение готовым экспериментальным доказательством независимой субстанции. Для нашего вопроса важно более узкое содержание: слово «мыслящий» не остаётся пустой этикеткой, а получает определённые действия и условия, при которых автор считает своё утверждение обоснованным.

Грамматическое приписывание не решает онтологию само по себе. Мы говорим, что предмет красный, человек умеет читать или событие длится долго; одинаковая форма предложений не делает цвет, способность и длительность одним типом существующего. Поэтому фраза «сознание есть свойство» требует продолжения: свойство чего, в каком смысле и на каком основании? Можно предложить философский ответ, но он уже добавит содержание к грамматике. Нельзя получить его одним лишь использованием существительного. Эта граница полезна и для исторического чтения: когда автор называет мыслителя, надо понять устройство аргумента, а не просто заменить его термин привычным современным словом и считать перевод завершённым.

Приписываемая способность также не равна её исполнению в данный момент. Человек может знать язык и сейчас молча смотреть на закрытую записку; может читать текст, но ещё не понимать незнакомую просьбу. В условной сцене это разные утверждения. Мы не измеряли способность и не устанавливаем, по какому одному признаку её можно определить. Пример показывает, что описание носителя и описание текущего действия имеют разные требования. Одного эпизода иногда достаточно для узкого сообщения о происходящем, но недостаточно для общего вывода о возможностях. Более точный язык сохраняет это различие и не превращает паузу, молчание или отдельную ошибку в полный портрет человека под видом объяснения сознания.

IV. Отношение должно раскрыть конкретную связь

В статье 1904 года Джеймс отрицает сознание как отдельную исходную сущность, сохраняя функцию познания. В выбранных местах он предлагает понимать познание через отношения частей «чистого опыта»: в одной связи часть выступает познающим, в другой — познаваемым. Это его философская гипотеза и аргумент, а не современный эксперимент, устранивший переживание. Мы не принимаем всю систему на основании нескольких абзацев. Для темы статьи важно, что слово «отношение» получает определённые роли и контексты. Джеймсовское отрицание не следует пересказывать как «мыслей нет». Сам автор сразу сохраняет мысли и спрашивает, каким способом будет осуществляться функция познания, если отдельная сущность исключена из исходных принципов.

В условной сцене записка представляет просьбу не только благодаря форме букв. Нужно знать, кто обращается, к чему относится выражение и какой вопрос читатель решает. Эти связи не являются доказательством системы Джеймса; это наше бытовое объяснение того, почему отношение следует уточнять. Одна и та же надпись может быть примером почерка или сообщением о встрече в зависимости от задачи. При этом буквам не приписана способность самостоятельно менять факты. Меняется роль в описанной ситуации, и её основание надо назвать. Слово «отношение» становится содержательным, когда читатель может восстановить стороны связи, способ её установления и то различие, которое она помогает понять.

Отношение не обязано означать, что всё содержание находится снаружи или что личный опыт исчезает. Такая формулировка уже потребовала бы отдельной позиции. В данной рамке достаточно заметить, что описание некоторых вопросов неполно без указания связей. Можно признать переживание человека и отдельно выяснять, какой предмет оно представляет, в какой ситуации возник вопрос и как используется сообщение. Это не означает равенства любых описаний. Одни связи могут быть хорошо обоснованы, другие — придуманы после события. Если отношение объясняет всё без различий, оно снова

становится слишком общим словом. Поэтому нужна та же дисциплина, что для процесса и свойства: обозначить, какой переход утверждается и какие основания поддерживают именно его.

Сохранение функции после отказа от отдельной сущности особенно важно при чтении громких заголовков. Название «Существует ли сознание?» легко услышать как отрицание того, что человек переживает или думает. В выбранном аргументе Джеймса предмет отрицания уже: определённый способ понимать исходную сущность. Он не освобождает объяснение от задачи показать познание. Мы не решаем здесь, удалось ли автору выполнить эту задачу во всей работе. Мы сохраняем его собственную постановку. Благодаря этому спор может касаться предложенной связи и её предпосылок, а не вымышленного отказа от существования мыслей. Точный масштаб отрицания позволяет обсуждать несогласие, не превращая философское предложение в сенсационное заявление о пустоте человеческого опыта.

V. Способность и осуществление: иной исторический язык

В первой части второй книги «О душе» Аристотель различает обладание знанием и его использование. Душа в выбранном определении связана с формой естественного тела, способного жить; предмет шире нынешнего сознательного эпизода и включает жизнь, питание и рост. Поэтому нельзя автоматически переводить его «душу» как современное сознание. Мы обращаемся к этому месту ради различения способности и осуществления, сохраняя исторические понятия. Английское actuality передано здесь как осуществлённость в определённом авторском смысле, а не как любое действие. Текст не является лабораторным подтверждением выбранной рамки и не доказывает современную теорию мозга. Его роль — показать, что связь состояния, возможности и исполнения может быть устроена иначе, чем предлагает первое знакомое слово.

У Аристотеля сравнение со знанием позволяет не смешивать сохранённую возможность и текущее употребление. В нашем примере читатель знает язык, но сейчас ещё не открыл записку. Это иллюстрация различия, а не применение всей аристотелевской системы к современному человеку. Способность не обязана исчезнуть из описания, когда её не используют каждую секунду. Одновременно приписанная способность требует своих оснований и не гарантирует успех в любой задаче. Поэтому разговор о сознании как свойстве может уточнять, относится ли утверждение к возможности или к данному исполнению. Процессуальный вопрос затем способен рассмотреть, как исполнение разворачивается. Между рамками возникает определённая связь, но не готовое доказательство их полного тождества.

Историческое понятие формы тоже не следует превращать в современное слово «информация» без дополнительного аргумента. Сходство общего языка не устанавливает

одинакового содержания. В выбранном месте Аристотеля важны естественное тело, жизнь, способность и степень осуществления. Если убрать эти условия, цитата о душе станет слишком широкой и сможет служить почти любому объяснению. Нам нужен обратный ход: вернуть цитату в её определение, затем назвать ограниченное различие, которое мы используем. Такой способ заимствования сохраняет интерес к историческому источнику без обязанности принимать все его положения. Он также не позволяет объявить, что старая формула заранее подтвердила будущие исследовательские модели, о которых она ничего не сообщает.

В конце прочитанной части Аристотель сохраняет вопросы о связи души и тела, включая оговорки о возможной отделимости некоторых частей. Поэтому его текст не стоит сокращать до одной современной метки, будто он окончательно выбрал наш сегодняшний ответ. Рамка статьи не является судом над историческими теориями по заранее приготовленной таблице. Мы рассматриваем, что каждое место даёт для определённого вопроса и где заканчивается это использование. Различение способности и осуществления оказалось полезным; остальные философские обязательства не исчезли и не были автоматически приняты. Это позволяет двигаться дальше с точным заимствованием, сохраняя открытым вопрос, как современная теория обосновала бы отношения, которые мы пока только различили.

VI. Одна ситуация допускает несколько неполных описаний

Процесс, свойство и отношение могут описывать разные стороны одной ситуации, не образуя немедленного противоречия. Человек разворачивает записку и постепенно понимает просьбу — это процессуальная сцена. Он способен читать данный язык — приписанная возможность. Он понимает выражение как просьбу этого человека в этой ситуации — определённая связь. Все три предложения требуют своих оснований. Их совместимость не доказана для любой философской системы; это логическая структура нашего условного примера. Она помогает увидеть, что выбор одной рамки иногда связан с задачей, а не с исключением всех остальных. Перед спором полезно проверить, отвечают ли предложения на один вопрос или лишь используют общее слово для разных вопросов.

Несогласие возникает, когда одно описание начинает претендовать на полноту. Если последовательность названа достаточным объяснением каждой способности, надо показать переход. Если свойство представлено как причина всей последовательности, нужно раскрыть механизм этого утверждения. Если отношение объявлено устраняющим носителя или время, надо обосновать такое устранение. Ни один переход не запрещён заранее, но ни один не получается из названия автоматически. В обсуждении можно выбрать конкретное предложение и спросить, что именно оно добавляет к уже

известному. Тогда разногласие перестаёт зависеть только от симпатии к словам. Оно получает предмет, который допускает аргумент, уточнение либо признание, что пока намечено направление, а не получен ответ.

Разные описания могут иметь разную полезность для разных задач. Чтобы обсудить время понимания записки, вероятно, нужен процессуальный вопрос; чтобы сформулировать отношение читателя к языку — вопрос о способности; чтобы понять роль просьбы — вопрос о связи в ситуации. Здесь «полезность» означает соответствие выбранному вопросу, а не измеренную образовательную или терапевтическую эффективность. Мы не проводили сравнение методов обучения. Пример задаёт более скромный критерий: способен ли язык назвать то различие, о котором мы спрашиваем? Если способен, его можно использовать в этом масштабе. Отсюда не следует, что он должен управлять всеми остальными объяснениями или определять окончательную природу переживания.

Иногда человек выбирает язык из-за собственного опыта: ему естественнее говорить о потоке, присутствии или связи. Такой выбор может быть важен для выражения переживания. Он не обязан сразу становиться универсальным тезисом. Можно сохранить две записи: этот язык помогает мне описать данную ситуацию; эта теория утверждает нечто обо всех случаях. Их основания различаются. Личный отклик не следует обесценивать за отсутствие общей теории, а общую теорию не следует подтверждать силой личного отклика. Это различение поддерживает автономию читателя. Он вправе искать подходящие слова, менять их и оставлять философский вопрос открытым без необходимости объявить свой прежний опыт ошибкой или доказательством единственно верного устройства сознания.

VII. Как обсуждать рамку предметно

Первый шаг — превратить название в предложение с условиями. Вместо «сознание есть процесс» можно спросить, какой переход в данной ситуации описывается и как узнать о его последовательности. Вместо «сознание есть свойство» — что приписано носителю и относится ли это к эпизоду или способности. Вместо «сознание есть отношение» — какие стороны связи выделены и что меняется при изменении контекста. Такие вопросы не устанавливают заранее нужного ответа. Они делают утверждение достаточно определённым для дальнейшего обсуждения. Если теория считает саму рамку неверной, она сможет объяснить, какое предположение отвергает. Без этого разговор рискует закончиться обменом названиями, которые каждый участник понимает по-своему.

Следующий шаг — назвать тип основания. Исторический философский аргумент, описание собственного переживания и результат определённой процедуры не становятся одинаковыми свидетельствами. Для одного утверждения может быть нужен

анализ понятия, для другого — наблюдение, для третьего — исследовательская проверка. В нашей статье источники прежде всего философские и историко-психологические; они не поставлены в роль современных нейронных экспериментов. Поэтому читатель может рассмотреть аргумент или различие, но не получить отсюда численную оценку устройства мозга. Такая граница не делает текст бесполезным. Она показывает, какую работу он действительно выполняет: уточняет предмет вопроса и переходы между понятиями, сохраняя дальнейшие эмпирические обязательства отдельными.

Полезно также спросить, что изменило бы обсуждаемое утверждение. Если описание процесса не допускает уточнения последовательности, его содержание остаётся неясным. Если приписанная способность подтверждается любым ответом, нужно понять, по какому основанию она вообще выделена. Если отношение объясняет противоположные случаи без условий, следует раскрыть правило различения. Это вопросы к нашей рамке, не обвинения исторических авторов и не универсальный метод опровержения любой философии. Некоторые аргументы требуют другого способа оценки. Но даже тогда стоит назвать, как именно будет оцениваться предложение. Читатель получает возможность следить за рассуждением и понимать, где оно приобрело новое основание, а где только сменило привычное слово на более привлекательное.

Для совместного разговора достаточно выбрать одну нейтральную сцену и один конкретный вопрос. Не нужно испытывать чужие способности или требовать доказательства личного переживания. Можно сравнить три формулировки и отметить, какие условия в каждой названы. Если собеседники расходятся, полезно сначала восстановить разницу задач. Иногда после этого спор уменьшается; иногда становится ясно, что существуют действительно несовместимые предпосылки. Ни один исход не обещан заранее. Ценность такого обсуждения состоит в ясности предмета: теперь можно искать нужный аргумент или источник вместо бесконечного повторения общей позиции. Философский интерес сохраняется именно там, где формулировка допускает встречу с новыми основаниями, а не требует немедленного согласия с выбранной рамкой.

VIII. Точное различение оставляет место для следующего вопроса

Выбранные источники не составляют одну лестницу к нашему окончательному ответу. Джеймс 1890 года описывает поток мысли; Декарт рассматривает мыслящего в процедуре сомнения; Джеймс 1904 года предлагает функцию и отношения опыта; Аристотель различает способность и осуществление в своём учении о душе. Между ними есть предметные связи, но различаются исходные понятия и способы аргументации. Их можно читать рядом, не объявляя каждый более поздний текст исправлением предыдущего и не приписывая историческому сходству силу доказательства. В этой статье мы используем источники для определённых различий. Полное сравнение систем осталось бы отдельной работой с другими требованиями и более широким фактическим чтением.

После такого чтения можно составить ограниченный итог. В данной сцене процессуальная рамка проясняет последовательность; рамка свойства требует указать носителя и возможность; рамка отношения требует назвать связь. Этот итог не выбирает за человека мировоззрение. Он помогает увидеть, что должно быть добавлено, если хочется сделать более широкий вывод. Иногда следующим вопросом станет устройство процесса, иногда — основание приписывания способности, иногда — характер связи с предметом. Различение направляет поиск, не подменяя его результатом. Оно также позволяет признать частичное понимание достаточным для нынешней задачи, оставив незавершённые вопросы видимыми и не превращая их в недостаток самого читателя.

Особенно важно сохранить человеческий масштаб разговора. Ни предпочтение определённой рамки, ни затруднение с её формулировкой не устанавливает ценность человека, его разумность или состояние здоровья. Теоретическое слово может быть удобным в одном обсуждении и ненужным в другом. Читатель вправе остаться при обычном описании переживания, если оно соответствует его задаче. Если он выбирает более строгий вопрос, появляются новые требования к аргументу, но не обязанность немедленно решить всю философию сознания. Такой подход позволяет учиться без принуждения превращать собственную жизнь в непрерывный экзамен на правильность понятий. Предметная точность нужна ради понимания, а не ради окончательного распределения людей по предпочтительным словам.

Процесс, свойство и отношение становятся полезными, когда каждое название раскрывает определённый вопрос. Пока этого нет, слова могут только обозначать намерение объяснить. Когда вопрос раскрыт, появляются условия для содержательного ответа и возможность увидеть его предел. Историческое чтение поддерживает эту работу, если понятия сохраняют происхождение и не пересаживаются в сегодняшний

язык без оговорок. Мы не устанавливаем здесь, чем сознание является во всех возможных смыслах. Мы сохраняем три способа уточнить разговор: что происходит, чему приписано содержание и какая связь делает описание полнее. Следующий вывод должен будет получить собственные основания. Именно поэтому различение остаётся открытым и способным помогать дальнейшему пониманию.

Что это значит на практике

Если хотите, выберите нейтральную сцену чтения записки или слушания знакомой мелодии. Не нужно воспроизводить переживание по инструкции или оценивать другого человека. Запишите один вопрос о последовательности, один о способности или состоянии и один о связи с предметом и ситуацией. Если какой-то вопрос здесь не нужен, сохраните это как результат, а не придумывайте ответ ради полного списка.

Для каждого предложения отметьте основание: личное описание, аргумент или определённое наблюдение. Проверьте, не превратился ли один эпизод в общий вывод о человеке. Затем выберите один переход, который требует уточнения. Можно оставить его открытым или найти подходящий первичный текст; исторический источник не обязан автоматически дать современное экспериментальное решение.

Закончите фразой о нынешнем понимании: «Эта рамка проясняет такой вопрос; этот вопрос пока остаётся». Практика добровольна, не является диагностикой, проверкой интеллекта или установленной терапией. Её возможный результат — яснее названный предмет рассуждения. Можно прекратить упражнение или вернуться к обычному языку без необходимости защищать выбранную формулировку как единственно верную теорию сознания.

Ключевая цитата

> *«...душа есть осуществлённость тела, охарактеризованного выше». — Аристотель, «О душе», II.1; фрагмент английского перевода J. A. Smith, собственный русский перевод. Контекст определения — естественное тело, способное жить; «душа» здесь не отождествляется с современным сознательным эпизодом.*

Связи между традициями

Сопоставление	Содержательная связь и граница
Джеймс IX и Декарт II	Последовательность мысли и утверждение о мыслящем имеют разные предметы. Описание потока не завершает картезианский аргумент.
Джеймс IX и Джеймс 1904	Процессуальное описание и функция познания могут задавать разные вопросы. Выбранные места не устанавливают полную историю изменения позиции автора.
Джеймс IX и Аристотель II.1	Текущий ход опыта отличается от обладания возможностью. Это ограниченное сопоставление; аристотелевская душа шире переживаемого эпизода.
Декарт II и Джеймс 1904	Мыслящий носитель и познавательная связь обсуждаются через разные предпосылки. Их не соединяют в доказательство одного вида сущности.
Декарт II и Аристотель II.1	Назвать носителя и определить способность — разные ходы аргументации. Исторические понятия души и тела не объявляются одинаковыми.
Джеймс 1904 и Аристотель II.1	Функция и осуществление требуют указать роль и условия. Созвучие не делает чистый опыт и естественное живое тело одной системой.

Первоисточники

1. Уильям Джеймс, The Principles of Psychology, Chapter IX, 1890, английский оригинал, транскрипция York University под редакцией Christopher D. Green. Прочитаны выбранные фрагменты личной мысли, непрерывности и контекста звука, периферии опыта, печатные страницы 225–226, 239–241, 258–259. Не вся глава и не современная нейронная модель.

2. Рене Декарт, Six Metaphysical Meditations, Meditat. II, английский перевод William Molyneux, Лондон, 1680, Project Gutenberg 70091. Прочитано выбранное начало второй медитации до раскрытия мыслящей вещи через её действия, печатные страницы 11–19; не все медитации и не сверка с латинским оригиналом.

3. Уильям Джеймс, Does 'Consciousness' Exist?, Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods 1, 477–491, 1904, английский оригинал, транскрипция York University под редакцией Christopher D. Green. Прочитаны выбранное начало и авторское объяснение функции и двух контекстов опыта; не вся статья или вся система радикального эмпиризма.

4. Аристотель, On the Soul, Book II, Part 1, исторический английский перевод J. A. Smith, MIT Classics. Прочитана II.1 полностью, включая заключительные оговорки; датировка перевода здесь не устанавливается, греческий оригинал не сопоставлен. Широкое понятие души не отождествляется с современной нейронаучной переменной.

Теги

сознание, процесс, свойство, отношение, опыт, мысль, время, изменение, поток мысли, носитель, способность, осуществление, функция, познание, предмет, контекст, душа, тело, форма, возможность, Джеймс, Декарт, Аристотель, философия сознания, историческое чтение, первоисточники, понятия, аргумент, граница вывода, автономия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.